обычно всплывают то лермонтовские, то никитинские мотивы. Таковы пейзажи Сурикова: (62) «В зареве огнистом Облаков гряда... (ср. (13)!)... На душе п о к о й н о, Сердце будто с п и т»; (64) «...Дремлет лес: ни звука, Л и с т н е ш е л е с т и т...»; (65) «...Светят неба очи Трепетным огнем (ср. (35))... Тише все, темнее, Н е д р о г н е т л и с т о к ...»; ср. у Дрожжина (73): «...В тишине глубокой Дремлет темный сад, Л и с т н е ш е л о х н е т с я...». У Сурикова (58) и затем у Дрожжина (79) появляется «п е с н я в д а л е к е» (от Никитина, (38)); в (57) почти дословно реминисцируется никитинское «Утро на берегу озера»; у Дрожжина в характерном 8-стишии (75) на лермонтовский образец наслаиваются и плещеевские и суриковские мотивы: «За кустами тени На траву легли (ср. (25) и (61)), И блеснула зорька Ясная вдали. Кончена тревога Прожитого дня, У л е г л и с ь п е ч а л и В сердце у меня». Традиция таких летних пейзажей доходит даже до раннего Сологуба ((102) «...Л и с т ь я м и чуть слышно Ветки шелестят...»).

Этот упрощенный мир как бы просит себе упрощенных обитателей: в 1870—1890-х годах в 3-стопный хорей прочно входит тема детей и детства. Поначалу дети в этих стихах еще не свободны от взрослых забот — отмежевание от никитинской традиции еще не полное: у Сурикова (64) «...рой вопросов темных, Рой бессвязных дум Занимают детский Неразвитый ум», у Плещеева стихотворение (20) «Хорошо вам, детки, Зимним вечерком...» кончается: «Но не всем такое Счастье бог дает: Есть на свете много Бедных и сирот...». Но у того же Сурикова (60) и у того же Плещеева (22) («Домик над рекою, В окнах огонек...») эти минорные ноты исчезают, а знаменитое (59) «Детство» («Вот моя деревня, Вот мой дом родной...»), одно из самых радостных стихотворений во всем нашем материале, вводит многообещающую тему сказок, которая даст впоследствии и (123) «Сказку» Орешина («Витязем Русланом В огненной броне По дорогам рдяным Еду на коне...») и (134) «Сказку» Пастернака («Встарь, во время оно, В сказочном краю Пробирался конный Степью по репью...»).

Остальные темы, унаследованные 3-стопным хореем от 1840-х годов, разрабатываются гораздо менее усердно. Популярнее других тема «разлуки». Здесь, пожалуй, интереснее всего (56) «Часовой» Сурикова: в зимнюю ночь часовой думает о жене, которая, может быть, видит сейчас его во сне (лермонтовский размер подсказывает и схему лермонтовского «Сна»). Лермонтовский пейзаж входит в (18) «Разлуку» Огарева («...Нашей старой ивы Н е к а ч а л с я л и с т...»). Но чаще эта тема воспринимается через Фета (28): Суриков кончает свое стихотворение (61) «...Пожалей о друге В дальней стороне И в тиши вечерней В с п о м н и о б о м н е!», а Трефолев (81) (невеста тоскует о женихе-ссыльном): «В этот день ненастный В дальней стороне Д р у г м о й, д р у г несчастный, В с п о м н и о б о м н е!» (далее «разлука» возникает у Лохвицкой (86), но уже чисто метафорически). Фетовская «Чудная картина» еще раз оживает в 8-стишии М. Леонова (68) (1898 г.) «Тихий шум дубравы, Песня соловья, Робкое журчанье Горного ручья; Темный лес дремучий, Пестрые луга... Родина, о как ты Сердцу дорога!»; фетовская же «Колыбельная песня сердцу» — в стихотворении Сологуба (98): «...Кто-то безмятежный Душу пьет мою, Шепчет кто-то нежный: Баюшки-баю...» (с неожиданной реминисценцией из Губера: «Молодость мелькнула, Радость отнята...»).

За рамки, поставленные традицией Лермонтова — Фета — Огарева, поэзия второй половины XIX в. выходит совсем редко. На традицию лирической песни опирается Мей (32) «У молодки Наны Муж, как лунь, седой...», на традицию сатирической песни — Некрасов (33) «Кушай тюрю, Яша, Молочка-то нет...». Может быть, отсюда переходит 3-стопный хорей в юмор и сатиру: этим размером написаны (51) «Кто он?» Минаева, (52) «Отставной майор и „ландышка“» Жулева, (53) «Общественное мнение» Буренина, (54а) «Свежо предание» Шумахера, (39) «Майская невзгода» Добролюбова, (42) «Современный гидальго» Михайлова. В гражданской